

И. И. Мухомов

О "СВЯТЫХ" ТОПОНИМАХ И НЕКОТОРЫХ СЛЕДАХ
ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ В ВЕПСКОЙ ТОПОНИМИИ

Если попытаться одним словом обозначить общий характер вепской топонимии, то им могло бы быть слово "прагматизм". Данная особенность присуща в целом топонимии южной Карелии (т.е. населенной карелами - ливвиками и лядиками, близкородственными в языковом отношении вепсам), которая достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Такая прозрачность южнокарельской и вепской топонимии особенно заметна на фоне географических названий северной Карелии. Последние намного образнее, в них ощущается персонификация реалий окружающей природы, в них сильны мифологические представления. Очевидно, отражается определенное отношение человека к миру, к природе в условиях господства промысловой культуры, существенные элементы которой они, видимо, до сих пор сохраняют в Беломорской Карелии. В недавнем прошлом эти элементы были преобладающими. На юге же Карелии основной стержень номинации - это географическая реальность как объект хозяйственного использования. Один наглядный пример. Известно, что в топонимии широко отражается растительный мир, однако анализ доказывает, что топонимия очень избирательно подходит к миру флоры. Из всего многообразия его представителей в вепской топонимии закрепились лишь некоторые - те, которые представляют определенную практическую ценность для человека. Какая-нибудь не приметная вахта трилистная (вепс. *vehk*) оказывается для топонимии значительно важнее многих прочих растений,

ибо она находила широкое применение в жизни местного населения. Ее использовали в народной медицине, в голодные годы корень этого растения добавляли в хлеб. Видимо, именно этим обусловлены многочисленные Вехозера и Вехурчи на вепской и смежной с ней русской территории, возможно, населенной в прошлом вепсами. Данная, если можно так выразиться, утилитарная направленность вепской топонимии продиктована производящим характером культуры местного населения. Сельское хозяйство - основа экономики, и именно им определяется во многом взгляд на мир, его оценка.

Вместе с тем на этом общем прагматическом фоне (а может быть и благодаря такому общему фону) особенно заметно выделяется одна группа топонимов, которая не укладывается в общую схему названия на основе принципа целесообразности. Это семантическая группа "фауна", т.е. отражение в топонимии наименований представителей животного мира. Белка, лось, заяц - основные промысловые животные - практически полностью игнорируются вепской топонимией. Тетерев и глухарь - главные промысловые птицы - представлены в географических названиях значительно более скудно, чем, к примеру, журавль (*Kurgalo, Kurgjal'v, Kurgjoja* и т.д.) или лебедь (*luvvoisid'v, Juuvvoja, Kencozero* и др.). К числу популярных вепских топонимосов относится и слово 'лягушка'. Присутствие данной топонимосов достаточно трудно объяснить с прагматических позиций. Таким образом, выявленный ряд топонимов не накладывается на иерархический ряд промысловых животных. В чем причина? Возможно, все эти обстоятельства, трудно объяснимые с позиций отражения реального мира, связаны с отголосками мифологических представлений вепсов, с той ролью, которая отводилась определенным животным в картине мира местных жителей края в условиях промысловой культуры, "на охотничьей стадии развития хозяйства, когда животные не отделились со всей резкостью от человеческого коллектива" (ММ). Вепская топонимия отдает явное предпочтение животным, известным в финской (в широком смысле) мифологии - журавлю, лебедю, лягушке, а также медведю, с которым связаны многие названия водных объектов типа *Kondijärvi, Kondioja, Kondisara*, : Медведьозеро, р. Медвежка и т.д. Примечательно, что часто гидронимы с основой *kondi* 'медведь'

имеет определенную, достаточно характерную географическую привязку – верховье водной системы, примыкающие к водораздельным гидрообъектам. Такая конкретная привязка дает дополнительные аргументы в пользу мифологической основы топонимов этой серии: финно-угорская традиция часто привязывала и медведя к верхнему миру (ММ). Жизнь древних обитателей Мезозерья к верхнему миру была связана с водой, водами путей. Реки и озера служили практически единственными дорогами. Повседневная хозяйственная, экономическая жизнь (охота, рыболовство, сельское хозяйство, лесные угодья) чаще всего замкалась рамками конкретного водного бассейна, границы которого превращались в границы освещенного мира. Не исключено, что в мифологизированном сознании местного населения могло происходить наложение определенных явлений мифологической карты мира (верхний, нижний миры, их границы) на реальную карту местности, в частности, водный бассейн. В соответствие с этим медведь как представитель верхнего мира воплощался в названиях озер и рек, расположенных в верховьях водной системы. Конечно, высказанное предположение чрезвычайно гипотетично, однако есть некоторые факты, обращающие на себя внимание в контексте данной гипотезы. В частности, существуют отдельные географические названия, которые, с одной стороны, могут рассматриваться как метафоры, как некие образные топонимы, но с другой – могут содержать в себе и более глубинную семантику и представлять осколки целой системы топонимов, основанной на мифологических представлениях.

В прибалтийско-финской мифологии существует некий мировой столб, подпирающий небесный свод, имеющий несколько названий: *taivaanpaula* 'небесный гвоздь', *maailmapataas*, *maasalmas* 'мировой столб', *taivaanpara* 'небесный пуп'. Последний термин означает одновременно и неподвижную вершину мирового столба – Полярную звезду. В калевальской традиции слово *taivaanpara* известно также в значении 'высокая гора, вершина которой упрямается в Полярную звезду' (Нагва 1948: 42–48). Эти сведения приобретают особую важность в контексте ижвенепских топонимов, которые известны две горы под названием *Taivaasab(a)*, в переводе 'небесный пуп'. Кроме того, есть основания полагать, что та же семантика, тот же образ лежит в основе названия *Nahmngi* 'ступо-

вая гора', которая также расположена в ареале расселения ижвенепсов. Эти примеры свидетельствуют, во-первых, о том, что традиционный элемент прибалтийско-финской картины мира (фин. *taivaanpara*, венг. *taivaanpaba*) был, видимо, известен и венсам. Топонимия сохранила и донесла сведения о нем до наших дней. Во-вторых, эти топонимы являют собой пример того, как мифологический мир накладывался на реальную картину местности.

Для обозначения мирового столба в прибалтийско-финской (финской, эстонской) традиции существовал и упоминавшийся выше термин (*paas*) *zambra* или (*paas*) *zambas* 'золотой столб, подпирающий небо', и находившаяся на его вершине Полярная звезда, вокруг которой вращается небесный свод'. Предполагается, что в одно этимологическое гнездо с этим словом входит и название калевальской чудо-мельницы *zambro* (ZEB). Современному венскому языку соответствующее слово не известно, однако есть целая серия топонимов с центром в средневенском ареале с основой *zamb-* или *zambas-* (*Sambjũtũ* – неоднократно, *Sambjũtũ*, *Sambasjũtũ*, *Sambõja*, *Sambajõo*, на обрусевшей территории многочисленные Самбозеро). Есть ли основания рассматривать эти топонимические примеры как подтверждение былого существования мифологического термина и соответствующего ему понятия у венсов? Следует признать, что они далеко не столь убедительны, как предыдущий термин (*taivaanpara*). Если ижвенепский термин *taivaanpara* привязан к местности и возвышенностям, горам – факт, наглядно подтверждающий семантику, то основа *zamb(as)* функционирует преимущественно в наименованиях озер. Нет четкого, наглядного, убедительного соответствия между объектом ландшафта и содержанием термина. Не следует, однако, так легко отступать от этой лилопной топонимии. Если проанализировать географическое расположение озер, в названиях которых выступает основа *zamb-*, то окажется, что все они без исключения расположены, так сказать, на краю водной системы или, иначе, являются крайними в цепи озер и ручьев определенной водной системы. Они примыкают к пограничной зоне, отделяющей один водный бассейн от другого. В связи с этим географическим обстоятельством чрезвычайно важно то, что в некоторых прибалтийско-финских языках (в финском, эстонском) слово

важнейшее значение имеет помимо мифологического и более утилитарное, земное значение 'стола', а также - что особенно важно для нашего случая - 'межевой знак, пограничный камень' (СЗЭС). А уже эта семантика прекрасно привязывается к местности и вполне естественна для названий озер, расположенных на границе водной системы. В данном случае перед нами пример того, что в древнем вепском мире границы водной системы могли совпадать с границами своей (возможно, родовой) территории. Древним вепсам было определено известно если не магическое, то социальное значение утраченного ныне термина *zamb(a)s*, а следовательно, и сам институт межевых знаков.

В этом же контексте заслуживает внимания и система "святых" топонимов - прежде всего, названий озер и рек - с основой *rūhā* 'святая' (*Rūhājārg*, *Rūhāoja*, в русском употреблении Пигозеро, Пигучей, хотя чаще Святозеро, Святрека и т.д.). Следует уточнить, что в современных вепских говорах за словом *rūhā* закрепилось вторичное значение 'пост', которое развивалось под воздействием православной традиции: святое, т.е. праздничное время по православным представлениям сопряжено с постом. Прежняя же семантика вепского *rūhā*, безусловно, 'святая, священный', что подтверждается родственными прибалтийско-финскими языками - карельским, финским, эстонским, сохранившими это значение. Оно отмечено и в некоторых русских переводах топонимов на современной или бывшей вепской территории, где неоднократно встречается озеро с названием Святозеро и реки Святрека, Святуха, Святозерка.

В связи с вепскими "святыми" названиями обращает на себя внимание та же закономерность, которая выявилась в топонимах с основой *zamb-*: все они привязаны к водораздельным озерам и рекам. Все "святые" озера и реки в Мезозерье - последние, крайние в цепи озер и рек внутри водной системы. За ними начинается водораздел и другой водный бассейн. Иначе говоря, "святые" озера являются пограничными, отделяющими свою, освоенную землю от чужой, неведомой.

Вепская традиция не составляет, видимо, исключения в прибалтийско-финском окружении. Замечено, к примеру, что в Финляндии и Эстонии топонимы с основой *rūhā* привязаны к древ-

ним, восходимым еще к железному веку, родовым границам и служили, таким образом, своеобразными пограничными знаками (Suvanto 1972:54). По нашим наблюдениям и материалам, система "святых" гидронимов, привязанных к водораздельным гидробиъектам, существовала и в карельской топонимии, а также в топонимии на территории обрусевшей Карелии (особенно в Пудожье) и на западе Архангельской области.

Эта система названий имеет, безусловно, большое культурно-историческое значение, позволяя при отсутствии древних карт, старых письменных документов реконструировать былые границы владений, намечать пути освоения вепсами территории Мезозерья. Вместе с тем за этой системой "святых" топонимов скрывается и другая, магическая семантика, проявляющаяся непосредственно через значение лексемы *rūhā* 'святая, священный' *.

Предшествующие наблюдения убеждают в том, что топонимическая система способна аккумулировать определенные сведения по духовной культуре, верованиям народа. Этот материал не столь уж обширен, однако в силу того, что само духовное наследие вепсов сохранилось лишь во фрагментах, особенно ценен. В некоторых ситуациях топонимы оказываются прочнее самой традиции, отголоски которой обнаруживаются в географическом назва-

* Следует учесть тот факт, что религиозно-магическое значение прибалтийско-финского *rūhā* видимо, не изначально. Существует предположение И. Хакулинена о том, что оно развилось из ранней семантики 'ограда, изгородь' через посредство значения 'выделенное (огороженное) для религиозных целей место' (Хакулинен 1965, с.87). Возникает вопрос, в какой семантике слово *rūhā* в таком случае закрепилось в гидронимии, иначе - на каком этапе семантического развития лексемы это произошло? С учетом географической характеристики гидробиъектов с основой *rūhā* нельзя исключать и более древнего домифологического значения: упомянутые водные объекты служили своеобразной оградой границей своей, освоенной территории. Во всяком случае такое предположение кажется логичным.

нии. К примеру, в топонимах, видимо, сохраняется память о древнем поклонении деревьям, бытовавшем у вепсов. Об этом свидетельствует само содержание топонимов: Jumapedei 'божья сосна' у живых вепсов, Fühäpedai 'святая сосна' у оятских вепсов, Funopedei - букв. 'закрученная сосна'. Это название встречается в топонимии Прионья и восходит к вепсскому рпшода 'вить, крутить'. Имеется в виду сосна, ствол которой образует петлю. Этим деревьям приписывалась магическая защитная сила. Показательно, что названия имеют только сосны, в чем, видимо, отражается особая роль сосны в представлениях местных жителей. По нашим наблюдениям, такая же закономерность присуща и топонимии Заонежья и Пудожья: и там предпочтение отдается соснам.

Любопытные отголоски культа предков обнаруживаются в целой серии топонимов Koosiat-Kämät (вепс. Кош (ад) 'кладбище'), распространенной в живовепском ареале, а также на смежной средневепской территории (географически это верховья рек Катва и Лийв). С некоторыми из географических объектов под названием Koosiat связаны предания о том, что здесь похоронены местные жители, погибшие от нападения литвы (иногда - татар). В отношении других урочищ известно, что в них нельзя рубить деревья, мимо них опасно проходить ночью, в них 'чудится' и т.д., т.е. наличен характерный комплекс представлений, связанных с культовыми местами. Этнографы предполагают, что первоначально Koosiat-Kämät - это священное кладбище, на котором были похоронены предки-покровители рода (Винокурова 1968: II).

Не исключено, что терминология, указывающая на культ предков, была на разных участках вепсского Мезозерья различной. К примеру, в Прионье на него могут указывать топонимы Rošinkośad (коśад 'могила', т.е. 'могила рочи'), Rošinkośb (коśb 'лес'), Rošid, содержащие общий элемент гоś, отголоски древнего мифологического значения которого до сих пор сохранились в современном значении 'посвященный (ребенок)'. На мифологическое содержание слова может указывать и то, что с некоторыми из мест, в названии которых выступает элемент гоś связаны предания о живших там некогда за мессинскими железными воротами великанах.

У белозерских вепсов зафиксировано два урочища под названием Panad, которые, возможно, также были связаны с культом предков, на что помимо семантики слова, закрепившегося в топониме /ср. вепс. panä(ña) 'хоронить'/, указывает и предание о живших там некогда панях (panad), захоронивших себя в земле.

Наонец, в Шимозерье и на смежной русской территории такое указание на древние вепские культовые места может содержаться в серии топонимов с элементом hiš (основа hide-): Hišäčv, Hišäčv, Hišäoja, Hište, Hišnes, Гижозеро, Изнаволово, Ик-лахта и др. Лексема hiš не известна современным вепским говорам, однако сохранилась в родственных языках (фин. hiisi, кар. hiisi, hiisi, водское ix, эстонское hiis) с широким спектром значений (от 'черт, леший' до 'языческое святилище, священная роща'). В специальном исследовании, предпринятом в Финляндии, выявлена безусловная связь этих значений и восстановлена своеобразная семантическая цепочка развития значения слова и внутри одного языка, и от одного прибалтийско-финского языка к другому (Koski 1970). Весь круг значений, связанных с нечистой силой, слово приобрело лишь после принятия христианства. В дохристианское же время и в дохристианском прибалтийско-финском мире слово было непосредственно связано с языческими представлениями общества и обозначало священные рощи, места захоронения и поклонения предкам. Видимо, есть основания предполагать, что вепские топонимы с элементом hiš (hide-) связаны с культовыми местами древних вепсов. Во всяком случае из всего семантического спектра лексема значение места более других оправдано для топонимии и объясняет продуктивность основы в топонимике. Любопытно и то, что для одних из мест, в названиях которых присутствует топонослова hiš, традиция культового места сохранялась вплоть до недавнего времени, ибо здесь стояла деревенская часовня или иногда церковь, как бы символизируя преемственность между языческими и христианскими святынями.

Предложенные заметки носят характер предварительных наблюдений и вызывает у самого автора немало вопросов, однако нет сомнения в ценности такого рода материала и в необходимости продолжить исследования в этом направлении. За пределами дан-

ной статьи осталась проблема отражения в топонимии пантеона
вепсских языческих божеств, совершенно не затронуты и топо-
нимические предания, которые нередко сохраняют отголоски
прежних верований, дальнейшей разработки требует и проблема
принципиальной возможности перенесения мифологической карты
мира на реальную карту местности. Надо полагать, что она
должна решаться для территории вепсского Межозерья и Каре-
лии с привлечением доприбалтийско-финских данных (саамских,
праприбалтийско-финско-саамских), отражающих промысловый
тип культуры населения со свойственным ей мифологическим
сознанием.